

УДК 343.54

## **БЕРЕМЕННОСТЬ И МНИМАЯ БЕРЕМЕННОСТЬ, КАК КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

**Гаврилова Жанна Михайловна,  
Евдокимов Александр Сергеевич,**  
Студенты,  
Санкт-Петербургского филиала Российской Таможенной  
академии им В.Б.Бобкова

**Ронжина Нина Алексеевна**  
Ст. преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин  
Санкт-Петербургского филиала Российской Таможенной академии им  
В.Б.Бобкова

В статье анализируются понятия «беременность» и смежное с ним «мнимая беременность» как признаки, влияющие на квалификацию уголовно-наказуемого деяния. Раскрывается сущность понятий «беременность» и «мнимая беременность» через призму уголовно-правовой оценки. Авторы рассматривают вопрос о неоднозначности квалификации при отсутствии фактов, прямо свидетельствующих о беременности с учетом требований и принципов уголовного закона, опорой на материалы судебной практики и мнения исследователей. Рассматривают термин «заведомость» в рамках применения его в составах уголовного законодательства как признак субъективной стороны совершаемого деяния. Помимо этого, дается оценка убеждений, умысла и мотивов в данном составе. Раскрывается статус нерождённого ребенка для российского законодателя при анализе ценности жизни ребенка, материнства и детства в целом.

**Ключевые слова:** преступление; беременность; мнимая беременность; охрана материнства и детства; уголовная ответственность; принципы уголовного права; уголовное право; цель преступления; толкование закона

\*\*\*\*\*

В данной статье рассматривается беременность как центральный элемент, влияющий на квалификацию уголовно-наказуемого деяния, в случае, если виновный совершает фактическую ошибку касаясь наличия состояния беременности у его жертвы. Причём ошибка как в случае, если виновный достоверно знал об этом, но, на самом деле, женщина не находилась в состоянии беременности, так и если виновный не знал и не мог предположить, что объектом его посягательства станет беременная женщина.

В рамках современной демографической ситуации данный вопрос актуален, так как убийство беременной женщины признается преступлением повышенной степени опасности, в виду того, что посягательство происходит, во-первых, в отношении женщины, находящейся в особом физиологическом положении, во-вторых, на общественные отношения, охраняющие сферу материнства и детства. Государство уже давно взяло курс на проведение различного рода мероприятий, направленных на повышение уровня благополучия семьи, ее защиты, в частности, что должно отразиться на рождаемости. На основе Указа Президента от 14.05.1996 г. № 712 «Об Основных направлениях государственной семейной политики» было издано Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года».

Беременность представляется особым состоянием с точки зрения физиологии организма женщины. Уже на самых ранних этапах происходят качественные изменения в организме, что связано в первую очередь с действием гормонов, напрямую влияющих на нервную систему, в связи с чем, у женщины наблюдаются поведенческие изменения. Беременность характеризуется и внешними изменениями, которые трудно не заметить особенно в последние недели срока. Однако даже сама женщина далеко не сразу осознает, что пребывает в состоянии беременности, да и схожие симптомы могут указывать и вовсе на наличие иных проблем со здоровьем. То есть как сама женщина может быть не уверена в своем состоянии, так и иные лица могут не распознать это состояние в отсутствие очевидных признаков беременности.

Термин «мнимо беременная женщина» как криминологический признак лица является достаточно новым. Он введен в научный оборот относительно недавно, в 2007 году, после чего уверенно утвердился в специальной литературе. В юридическом смысле «мнимая беременность» – личная убежденность в беременности при фактическом отсутствии такого физиологического состояния. В Особенной части УК РФ (п. «г» ч. 2 ст. 105), устанавливающей ответственность за убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку содержится квалифицированный состав в виде «убийства женщины, заведомо для виновного находящаяся в состоянии беременности» [1]. Ключевым при квалификации, пожалуй, становится термин «заведомо», т.е. бесспорный, неопровержимый факт, заранее известный. Ведь для применения данного квалифицированного состава, лицо, совершающее преступление должно явно и достоверно знать о беременности женщины, причем знание может основываться на каких-то внешних признаках, если речь идет о поздних сроках, либо на основе официальных врачебных документов, единая форма которых до сих пор не установлена, либо же это должно быть известно на основе слов самой женщины как потерпевшей. В иной ситуации нельзя расценивать действия обвиняемого по данному пункту, если основа – предположения, вероятностные суждения об указанных обстоятельствах.

Совершенно полярных мнений придерживаются С. В. Бородин и А.И. Коробеев. Первый указывает, что «заведомость знания о биологическом состоянии потерпевшей имеет отношение не к действительности, а лишь к ничем не подтвержденному заявлению женщины о состоянии беременности» [2, с. 135]. А Коробеев придерживается иной позиции, говоря, что термин «заведомость» исключает возможность сомнений и предположений у убийцы относительно наличия состояния беременности у потерпевшей, то есть виновный как минимум имеет внутреннее убеждение [3]. И вопрос лишь в том, насколько его убеждение соответствует действительности.

Некие общие черты деяния, содержащемся п. г. ч. 2 ст. 105 УК РФ можно найти и в статьях 122; 128.1; 196; 175; 207; 306 УК РФ, где преступность деяния определяется исключительно уровнем осознания и углом восприятия ситуации субъектом. Это примеры составов преступлений, противоположных некой материально-практической идее, которая, например, выражена в ст. 105, 146, 166, 297, 318 Кодекса.

Рассматриваемая ситуация синонимична отдельным признакам правовой конструкции квалификации известной кражи (ст. 158 УК РФ). По смыслу уголовного законодательства ст. 158 означает только такое хищение имущества, при котором преступник мыслил данное деяние неизвестным для собственника вещи [4]. Данное толкование, закрепленное в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», основывается исключительно на мнении преступника. Если преступник, похищая вещь, полагал, что его никто не видит, однако за ним, например, издали наблюдал собственник вещи, то содеянное всё равно квалифицируется как кража по ст. 158 УК РФ. Таким образом с помощью моделирования преступления можно усмотреть важное теоретическое заключение: действия собственника могут напрямую влиять на будущую квалификацию деяния. Если потерпевший выйдет из укрытия, вступит в контакт с преступником, то квалификация возможно только по ст. 161 – о грабеже; если же собственник останется в укрытии и не заявит о своем знании преступнику – то квалификация возможна исключительно по ст. 158 – о краже.

В российском законодательстве нет легальных дефиниций понятий «беременность» и «беременная женщина», также законодатель считает, что нет необходимости и в определении срока как факта-состояния. На сегодняшний день в государственной доктрине Российской Федерации отсутствует четкая позиция отношения к неродившемуся ребенку, также отсутствует достаточно проработанное регулирование его положения и всех смежных вопросов. Зарождения новой жизни не входят в сферу правовой защиты ни на каком из этапов развития эмбриона, что означает отсутствие каких-либо прав нерожденного ребенка как отдельного самостоятельного субъекта. На что и указывает ст. 2 и ч. 2 ст. 17 Конституции РФ, где, во-первых, происходит признание за человеком его прав и свобод как высшей ценности, а, во-вторых, провозглашается принадлежность и неотчуждаемость прав и свобод именно с момента рождения.

Дополнительно можно провести анализ нескольких норм УК РФ, связанных с неродившимся ребенком. Ст. 105, ч. 2, п. «г» гласит об убийстве женщины, (заведомо) находящейся в состоянии беременности [1]. Из чего следует, что плод (нерожденный ребенок) признается законом как особая ценность, уничтожение которой соответственно влечет более строгое наказание. Это обосновывается ужесточением санкции – с минимального значения в 6 лет лишения свободы до 8 лет лишения свободы и максимального – с 15 до 20 (также – пожизненно, либо смертной казнью) соответственно. Убийство малолетнего также квалифицируется по ч.2 указанной статьи, что, опять же, указывает на особый статус ребенка. Однако наличием п. «г» ч. 2 ст. 105 в уголовном законодательстве лишь косвенно охраняет человеческий эмбрион. В итоге, законодатель вводит вышеуказанные нормы, в целях улучшения демографической ситуации, но не до конца заостряет внимание на ценности человеческого эмбриона, который в последствии приобретет статус ребенка, что напрямую отразится на демографических показателях. При возможном введении норм, которые бы планомерно привели к регулированию данного положения к современным международным стандартам, стоило бы включить и дополнение к квалифицирующему составу, когда беременность характеризуется патологическим состоянием плода, либо признаком многоплодной беременности, дабы следовать принципу социальной справедливости.

В положениях ст. 106 УК, устанавливающей ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов, а равно убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства [1], не исключающего вменяемости, усматривается, что по отношению к матери закон допускает большую снисходительность, ведь предусматривает куда более мягкую санкцию. При этом диспозиция лишь частично посвящена особому психическому состоянию матери, что вносит некоторую смысловую коллизию. Как же быть с принципом равенства, закрепленным не только в Конституции РФ – ст. 19, п. 1, но и в УК РФ – ст. 4 Кодекса? Почему положение матери должно быть универсально привилегированным? Исходя из этого вопроса кажется, что законодатель вносил норму, презюмируя тяжелое и неуравновешенное психическое состояние матери, вызванное биологическими особенностями родового периода и приведшее к убийству дитя. При таком подходе принцип равенства не нарушен, поскольку изменение норм уголовного права обусловлено не случайной волей законодателя, произвольно предоставляющей привилегии определенному субъекту, а естественной природной необходимостью, заставляющей человека (законодателя), опирающегося на принцип гуманизма, регулировать общественные отношения определенным образом. Такую позицию, в частности, выражал Л.Л. Кругликов. Но в таком случае по какой причине в диспозиции оставлено пространство для иного, более свободного, толкования? Как в таком случае поступать с запланированным убийством нежеланного ребенка, совершенным в юном возрасте, когда решение об убийстве было принято еще задолго до рождения ребенка? В таком случае подобное обоснование слабо применимо, ведь требует большого количества комментариев и рассуждений.

Говоря о беременной женщине с ракурса уголовно-правовой оценки, стоит учитывать некоторые психологические аспекты виновного. Ведь не только с точки

зрения женщины беременность может сопровождаться особым психологическим состоянием. Личность виновного и его отношение к состоянию беременности являются не последним обстоятельством, которые должны учитываться при квалификации. Смирнов В. А. счел, что если «сформулировать рассматриваемый признак как «убийство женщины по мотивам ее беременности, а равно по иным мотивам, при условии, что виновный достоверно знал о беременности» [5], то, с одной стороны, будет сохранено указание на особый объект уголовно-правовой охраны, а с другой – это позволит квалифицировать содеянное как оконченное преступление независимо от того, была ли потерпевшая на самом деле беременной или нет, поскольку акцент будет сделан уже на побуждениях виновного. Поскольку при убийстве заведомо беременной, это состояние далеко не служит ключевым для него, также как прекращение беременности в данном контексте не обязательно является целью. Беременность женщины является для виновного лишь некоторым физически особенным состоянием потерпевшей.

Поэтому как цель, так и мотив могут быть отстраненными, и тут стоит учитывать, что умысел может быть, как прямым, так и косвенным. [6] При прямом умысле одним из видов ошибок является ситуация, когда он был направлен на убийство беременной женщины, но впоследствии оказывается невыполнимым в силу заблуждения виновного в физиологическом состоянии потерпевшей. Противоположная ситуация, когда отношение виновного характеризуется косвенным умыслом, в виду того, что он не имеет полной уверенности в фактическом наличии беременности, следовательно, не желает смерти беременной женщины, но сознательно допускает возможность ее наступления, либо безразлично относится, желая, как раз-таки совершить посягательство только на жизнь женщины, не в состоянии беременности, а фактически совершает убийство беременной. При следующей ситуации вышеназванное предложение Смирнова В.А. не будет состоятельным, так как не позволит квалифицировать такой случай как оконченное убийство. Хотя при оценке действий виновного должно учитываться и обстоятельство, что беременная женщина занимает более привилегированное положение как субъект преступления по отношению к небеременной, следовательно, в этом случае преступление можно квалифицировать это по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

При прямом умысле можно прибегнуть к идее Попова А. Н., что «необходимо посягательство на жизнь беременной женщины уравнивать с посягательством на жизнь двух или более лиц, одновременно разъяснив в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, что посягательство на жизнь беременной женщины следует рассматривать как посягательство на жизнь двух лиц со всеми вытекающими отсюда следствиями» [7]. Также использовать за основу его формулировку: «Посягательство на жизнь двух или более лиц, а равно на жизнь беременной женщины и ребенка, находящегося в утробе матери» [7].

Таким образом можно заключить, что на сегодняшний день вопрос мнимой беременной женщины как особого квалифицирующего признака преступления, остается слабо урегулированным, в нём до сих пор существуют неоднозначные мнения о том, как квалифицировать убийство заведомо беременной женщины. Такое положение представляется неэффективным, нерациональным и приводящим к падению авторитета права как высокого интеллектуального института. В связи с высоким этическим, нравственным и философским аспектом рассматриваемой темы представляется правильным внесение в уголовное законодательство соответствующих и рассмотренных выше поправок. В связи с общественной значимостью деторождения такое реформирование позволило бы добиться не только более чуткого правоприменения, способствующего устранению порочных элементов общества в частности, но также привело бы к цельной гармонизации жизни.

---

#### Список использованных источников

---

1. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 5.12.2023).

2. Бородин С. В. Преступления против жизни / С.В. Бородин— СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 467 с.
3. Коробеев А.И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека: монография / А.И. Коробеев – М.: Юрлитинформ, 2012. – 317 с.
4. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 5.12.2023).
5. Смирнов В. А. Некоторые вопросы использования признаков субъективной стороны преступления при конструировании квалифицированных составов убийств / В.А. Смирнов // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. – Ч. 54/ – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 22-25.
6. Борисов, А. Б. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. Б. Борисов. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Книжный мир, 2012. – 1056 с.
7. Попов А. Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах / А.Н. Попов – СПб.: Юрид.центр.Пресс, 2001. – 463

---

#### PREGNANCY AND ALLEGEDLY PREGNANCY AS QUALIFYING FEATURES IN CRIMINAL LAW: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

---

**Gavrilova Z.M., Evdokimov A.S., Ronzhina N.A.**

The article discusses the analysis pregnancy and related with that allegedly pregnancy as indications affecting the qualification to criminal punishable act. The essence of the concepts of "pregnancy" and "allegedly pregnancy" is revealed through the prism of criminal law assessment. The authors consider the question of ambiguity of qualifications in the absence of facts that directly indicate pregnancy, taking into account the requirements and principles of criminal law, based on the materials of judicial practice and the opinions of researchers. They consider the term "institution" within the framework of its application in the compositions of criminal legislation as a sign of a subjective party to an act committed. In addition, an assessment of the beliefs, intent and motives in this composition is given. The status of an unborn child is revealed for the Russian legislator, when analyzing the value of the child's life, motherhood and childhood, in general.

**Keywords:** criminal; pregnancy; allegedly pregnancy; protection of motherhood and childhood; criminal liability; principle of criminal law; criminal law; purpose of the crime; interpretation of the law.